

Чжоу Цинлинь был вне себя от радости и поспешил пригласить их войти.

Сян Юань махнул рукой, не торопясь. Он посмотрел на Чжоу Дабао, который сжался в стороне и не смел пошевелиться, и сказал:

— Раз ты говоришь, что в деревне Шитао твой отец главный, и даже уездный начальник не может вмешаться, то позови его сюда, пусть спросим.

Чжоу Дабао побледнел, его руки и ноги ослабли, на лбу выступил холодный пот, и он с ужасом смотрел на Сян Юаня и его спутников, не зная, кто они такие.

— Ну же, иди!

Ян Тоу, увидев, что Чжоу Дабао только дрожит от страха и не двигается, подтолкнул его к выходу.

Но вскоре Ян Тоу перестал его торопить, потому что староста деревни Шитао, узнав о происхождении, уже спешил с несколькими мужчинами. Увидев Ян Тоу, староста остановился и с улыбкой сказал:

— Дядя, что случилось? В чём дело?

Ян Тоу почувствовал себя неловко от того, что его называют дядей. На самом деле, их родственные связи с деревней Шитао были настолько запутанными, что он даже не знал, откуда они взялись. Но в своё время он, желая сэкономить, сам связал себя с старостой. Раньше он гордился тем, что деревенские относятся к нему с уважением, но сейчас он чувствовал себя как на иголках, ведь за ним наблюдал сам Господин магистрат! Говорят, что новый чиновник всегда начинает с жёстких мер, и он не хотел, чтобы первым под удар попал он сам. Однако Ян Тоу был человеком с хитростью, и он, не отвечая старосте, молча посмотрел на Сян Юаня, спрашивая, стоит ли раскрыть его статус.

Сян Юань холодно взглянул на него и слегка кивнул. Человек может быть хитрым, но если он переходит границы, это уже не нравится. Этот Ян Е пока что выглядел неплохо, но нужно было ещё посмотреть, стоит ли его использовать.

— Ты — староста деревни Шитао?

Староста уже заметил Сян Юаня и Чжао Шэня, но, не зная их статуса, не осмеливался вести себя нагло, поэтому обратился к знакомому Ян Тоу. Теперь, услышав вопрос Сян Юаня, он поспешно ответил:

— Да, да, а что привело вас в деревню Шитао?

— Отец!

Чжоу Дабао, увидев, что его отец пришёл, сразу подбежал к нему и, злобно глядя на Сян Юаня, пожаловался:

— Отец, они из другой деревни, указывают нам, что делать. И ещё Чжоу Цинлинь не хочет отдавать нам чёрных кур, отец, надо его проучить, выгнать из деревни Шитао!

Мышление Чжоу Дабао было простым и грубым: его отец — староста, и кроме уездного начальника, никто не может изменить его решения. За долгие годы под опекой отца Чжоу Дабао привык не смотреть вверх на людей.

Ян Тоу смотрел на Чжоу Дабао, как на мёртвую собаку, не понимая, глуп ли он на самом деле или притворяется. Только что перед уездным начальником он был трусом, а теперь, увидев поддержку, снова стал наглеть?

Староста был стар и мудр, и, в отличие от своего сына, умел смотреть в оба. Он видел, как обычно высокомерный Ян Тоу сжался, как перепел, и понимал, что статус Сян Юаня и его спутников должен быть очень высоким. Услышав глупые слова сына, староста с горечью проглотил слюну и ударил его.

— Что за глупости! Всегда только языком молоть!

Ударив сына, староста поспешно улыбнулся Сян Юаню:

— Господа, мой сын только языком силён, а сердцем мягок, никогда не делает ничего плохого, не слушайте его глупостей.

Сян Юань не обратил на него внимания и повернулся к Чжоу Цинлиню:

— Ты что-то хочешь сказать?

Чжоу Цинлинь открыл рот, хотел обернуться к Цинь Мяню, но почувствовал, как тот слегка сжал его руку, и внезапно понял, что нужно делать, громко сказал:

— Пожалуйста, господа, помогите мне, я не хочу просто так отдавать чёрных кур Чжоу Дабао!

— Не говори глупостей, Дабао не брал твоих кур даром, он заплатил, как ты можешь говорить, что он взял их просто так? Цинлинь, я ведь тебя с детства знаю, все эти годы в деревне Шитао я тебя не обижал, когда твой отец умер, я организовал его похороны, как ты можешь так говорить о Дабао? Не считаешь себя частью деревни Шитао?

Староста, не дожидаясь, пока Чжоу Цинлинь закончит, вмешался и отчитал его, в его словах явно звучала угроза, которую мог понять любой.

Чжоу Цинлинь стиснул зубы и решил пойти на крайние меры.

— Староста, я не хотел этого, но Чжоу Дабао уже несколько раз приходил ко мне и устраивал скандалы, моя жена уже больна, а он всё ещё хочет забрать моих чёрных кур даром! Ты говоришь, он заплатил, он взял десять кур и дал десять монет! Что можно купить за десять монет? Даже цыплят не хватит, как я буду жить? Это значит лишить нас средств к существованию!

Староста злобно посмотрел на Чжоу Дабао, в душе сжимая зубы от злости. Он знал, что его старший сын присматривается к чёрным курам, но не ожидал, что он даст только десять монет, хоть немного больше дал бы, и можно было бы как-то объяснить! Этот неудачник только всё портит!

— Ян Е, скажи им, если у кого-то ещё есть жалобы, пусть выскажутся сейчас, я, как уездный начальник, рассмотрю их. Но только сегодня.

Шум!

Услышав, что Сян Юань действительно уездный начальник, окружающие деревенские жители, собравшиеся посмотреть на происходящее, зашептались, староста сразу побледнел, Чжоу Дабао на несколько секунд оцепенел, а затем, поняв, что происходит, покрылся холодным потом и сжался за спиной старосты.

Ян Е, поняв намёк, вышел вперёд и, используя свою обычную высокомерную манеру, сказал собравшимся деревенским жителям:

— Наш Господин магистрат сегодня пришёл в деревню Шитао и не ожидал, что сын старосты будет принуждать Чжоу Цинлиня отдать чёрных кур. Господин магистрат возмущён тем, что староста, как глава деревни, позволяет своему сыну так себя вести, совсем не уважая закон! Уездный начальник сказал, что если у кого-то есть жалобы, пусть выскажутся, уездный начальник рассмотрит их прямо здесь!

Эти слова, хоть и были не совсем грамотными, но понятными для всех. Деревенские жители, смотря на Сян Юаня, стали ещё более почтительными, даже молодые парни, пришедшие со старостой, потеряли свою агрессию и с недоумением смотрели на Сян Юаня, затем на старосту, и почему-то их колени начали подкашиваться.

Староста, услышав, что Сян Юань — уездный начальник, почувствовал, как его сердце упало, его лицо побледнело. Он дрожа упал на колени, потянув за собой Чжоу Цинлиня, и со слезами на глазах сказал:

— Господин, я не узнал вас, прошу прощения. Но я уже много лет служу старостой в деревне Шитао, всегда трудился усердно, никогда не расслаблялся, прошу вас, разберитесь!

— Это действительно Сян Юань!

Тихое восклицание Цинь Мяня услышал только Чжоу Цинлинь, он с недоумением повернулся к

Цинь Мянью и увидел, что тот смотрит на Сян Юаня с каким-то сложным выражением, и в душе у него возникла тревога, он крепко сжал руку Цинь Мяня.

Цинь Мянью повернулся к нему, улыбнулся и беззвучно успокоил:

— Всё в порядке, вечером объясню.

Чжоу Цинлинь, увидев улыбку Цинь Мяня, успокоился.

Чжао Шэнь не хотел смотреть на старосту, его лицо, как высохший апельсин, было уродливым! Он оглядел деревенских жителей, но никто не осмеливался выступить, и он нахмурился. На лицах жителей явно читалась нерешительность, но никто не решался выступить, неужели они настолько привыкли к угнетению старосты, что уже не смеют сопротивляться?

Вокруг было тихо, только староста, стоя на коленях, продолжал рассказывать о своих заслугах и невиновности, в его словах он был справедливым, трудолюбивым и безупречным человеком, а его сын Чжоу Дабао — всего лишь трусливым болтуном, который никогда не делал ничего плохого.

Сян Юань даже не слушал, он оглядел молчаливых деревенских жителей и улыбнулся. Повернувшись к Чжао Шэню, который выглядел расстроенным, он сжал его пальцы и беззвучно сказал:

— Улыбнись.

Чжао Шэнь нахмурился, увидев, что Сян Юань не волнуется, понял, что у него есть план, и успокоился.

Сян Юань, увидев, как Чжао Шэнь, только что беспокоившийся, теперь успокоился, не мог не рассмеяться в душе. Жена так в него верит, это настоящее испытание его терпения!

Ян Е, ожидая, всё ещё не видел, чтобы кто-то выступил. Он слегка оглянулся на Сян Юаня и громко сказал:

— Не бойтесь, если то, что вы скажете, правда, уездный начальник обязательно разберётся, не упустите шанс!

Сян Юань повернулся к Чжао Шэню и тихо сказал:

— Этот Ян Е действительно умеет подстраиваться.

<http://bllate.org/book/15532/1381138>